

Н

ародный художник Армении Рудольф Хачатрян родился в Ереване в 1937 г. В семье, где никто никогда не рисовал, появился мальчик, который, казалось, рисовать начал с рождения. Любовь к этому занятию заполняет все его время и перерастает в подлинную страсть. Уже в 18 лет его графические работы выставляются на республиканских выставках, и к нему приходит известность.

Когда Рудольфу было всего 14 лет, судьба свела его с замечательным армянским живописцем и скульптором Ервандом Кочаром, который до конца жизни оставался наставником и духовным отцом Хачатряна.

В раннем творчестве Хачатрян сознательно следует традициям рисунка эпохи Высокого Возрождения, уделяя пристальное внимание изображению человека вообще, почти обожествляя его. Художник создает образы современников, людей, как правило, большой культуры, высокого интеллекта и незаурядных способностей. Посвятив свое творчество в тот период жизни почти всецело изображению человека, Хачатрян создает галерею портретов ученых, писателей, художников, артистов — людей напряженной духовной жизни, высокого интеллекта. Почти каждый персонаж, выбранный художником, — это его любимый герой — будь-то друг или хороший знакомый, актер или ученый. Простой, казалось бы, рисунок карандашом намеренно усложняется художником, подчас выливаясь в драматический рассказ о человеке. Хачатрян стремится раскрыть неповторимую индивидуальность каждого, кто изображен на полотне. Его жизнь неотделима от жизни его персонажей. Вместе с ними он размышляет о времени, о смысле жизни, об основополагающих духовных ценностях. Человек для Хачатряна — неоспоримый центр Вселенной.

Когда-то учитель Рудольфа Хачатряна, Ерванд Кочар, показывая юному ученику свою «живопись в пространстве», сказал: «Ты еще придешь к этому, но своим путем». Эти слова оказались пророческими. Повинуясь внутренней логике своего творчества и жизненной силе, Хачатрян пришел к «многомерным объектам».

За свою художественную жизнь он менялся не раз. И если сопоставить разные периоды его творчества, может показаться, что они вступают друг с другом в спор. Действительно, разница между ранним Хачатряном и сегодняшним велика. Трудно представить, что тонкий стилист, создающий портреты в стиле Ренессанса, и энергичный изобретатель новых форм — все это один художник, Рудольф Хачатрян.



Адам и Ева (1990 г.)

Многомерные объекты Рудольфа Хачатряна

*...Пусть тот, кто ищет, не перестает
искать до тех пор, пока не найдет,
и, когда он найдет, он будет потрясен,
и, если потрясен, он будет удивлен...*

Евангелие от Фомы

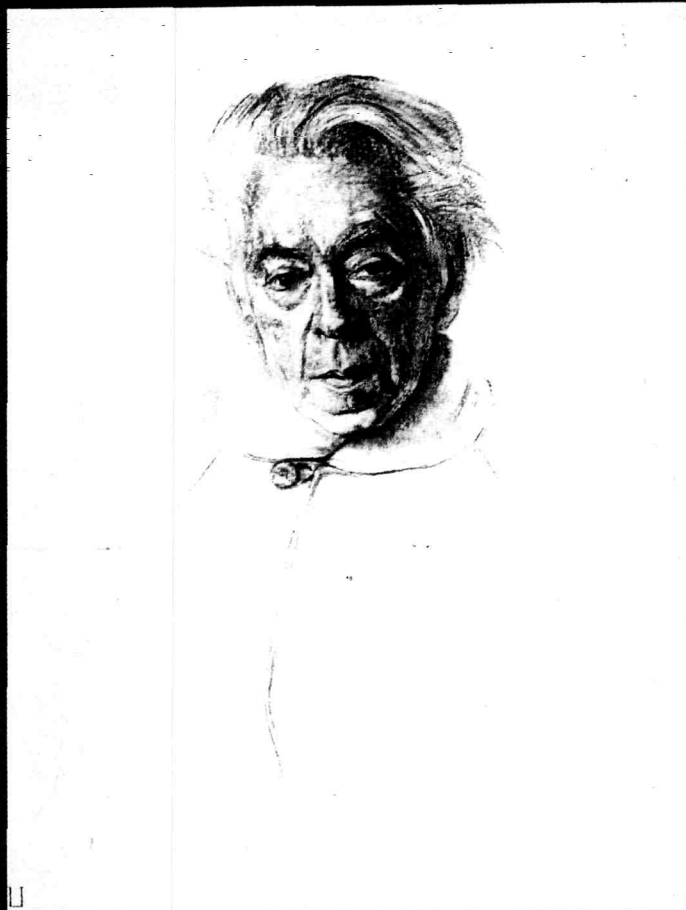
Чтобы понять необычные скульптуры Рудольфа Хачатряна, или «многомерные объекты», как он их называет, следует обратиться к тому двуединому образу, которому эти объекты обязаны своим происхождением.

В свою очередь, будущий двуединый образ берет начало в образе материнства. Это и понятно: ведь именно мать естественно и извечно готова к удвоению, это она носит в себе второго, другого человечка, который выйдет из глубин ее тела, долго, порой всю жизнь, остается связанным с ней. Рудольф Хачатрян рисует мать с младенцем, эту вечную тему в искусстве, и младенец постепенно становится частью тела матери. На первый взгляд кажется, что мать просто прижала ребенка к груди, но постепенно осознаешь, что он составляет половину тела матери, личико младенца входит в структуру ее лица, а его маленькая нога замещает одну из ног матери. Причем, художник расположил ее так, что никакого несоответствия не ощущается. Но если слияние матери и дитяти естественно и понятно, то Рудольф Хачатрян идет дальше: мы видим, что ребенок таится в любом человеке.

Что же дает Рудольфу Хачатряну созданный образ? Прежде всего, с его помощью художник передает одновременно два состояния одного человека. Эту задачу он пытался решить еще в шестидесятые годы, когда созда-



Караван-баши (портрет друга, ученого-лингвиста М. Мелкумяна), 1982 г.



Аркадий Райкин, 1986 г.



Цветы, 1988 г.



Иоан Креститель, 1990 г.

вал «открытые формы в пространстве» вслед за своим учителем Ервандом Кочаром. Тогда он изобразил лежащую фигуру с двумя головами, одна из которых спит, а другая — бодрствует.

Двуединые персонажи рождаются в результате изобретательных живописных «операций»: линия носа естественно делит лицо на большую и малую части, «взрослая» половина тела органично взаимодействует с «детской» половиной.

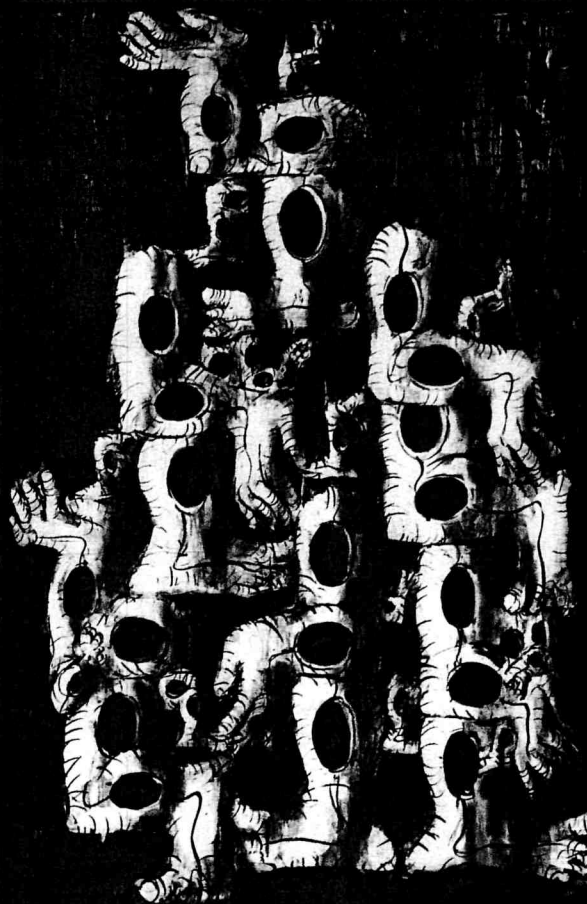
Вместе с тем двуединый герой Рудольфа Хачатряна трансформируется и сам по себе. Со временем «ребенок» начинает смотреть на нас анфас с отрешенной улыбкой, а «мать» поворачивает голову в сторону, и ее профильный нос, заострившись, вытягивается в виде клюва. От «матери» новому канону досталась и большая нога, которая прочно ставит всю фигуру на землю.

На этом эволюция двуединого образа, однако, не завершается. Художник продолжает искать «формулу человека», как он называет этот образ. Он начинает создавать странные композиции, составленные только из рук и ног. Затем, вернувшись вновь к «формуле человека», он наделяет ее дополнительными ногами, выстраивая фигуру, напоминающую свастику. Фигура, выстроившаяся в свастику, обретает центр и приходит в движение. Ее ноги идут по вечному кругу. Так, двуединая «формула человека», оторвавшись от земли, приобрела движение — вечное вращение.

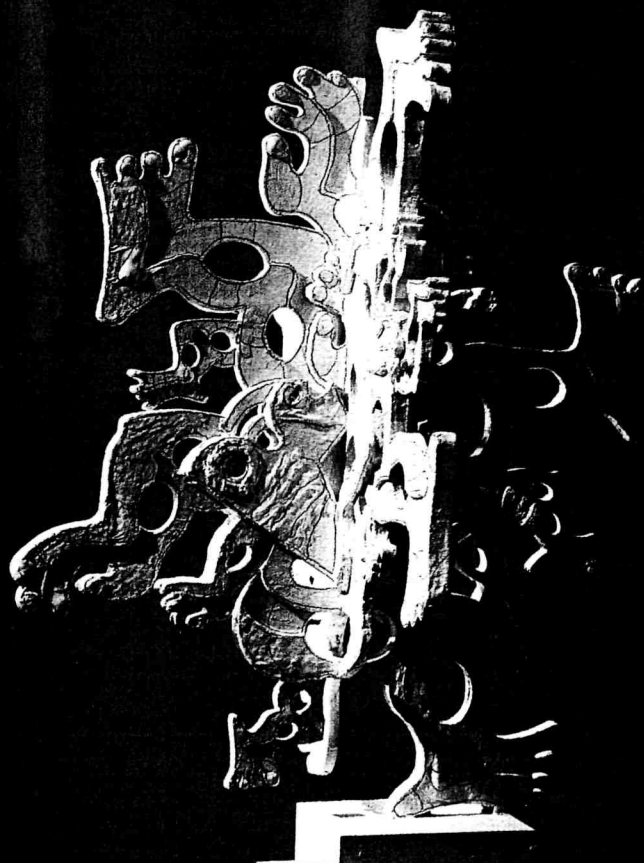
Но все это пока происходит на плоскости холста или бумаги — в двухмерном пространстве. Выявленная Рудольфом Хачатряном «формула человека» тем временем продолжает развиваться дальше, переходя в трехмерный мир скульптуры.

Художник совершает внешне несложную операцию. Он берет две вырезанные по контуру модели «формулы» (той, что устойчиво стоит на земле), переворачивает одну из них головой вниз и вставляет в другую, так что образуются две взаимно перпендикулярные плоскости. Получилась причудливая скульптура с некоей потаенной симметричностью. Причем, главная жизненная потенция этой скульптуры в том, что составляющие ее элементы получают фактически неограниченную возможность переходить одна в другую. Отсюда и название «многомерные объекты», которым Рудольф Хачатрян окрестил свои создания. Бесконечные взаимопереходы составляющих «формул» становятся еще более неуловимыми, когда Рудольф Хачатрян скрестил две свастикаподобные фигуры, каждая из которых уже «вращалась» в своей плоскости.

Благодаря своей внутренней «канонической» двуединости и исконной зеркальности



Соединение. Композиция IX. Башня, 1992 г.



Многомерный объект II, 1996 г.



Двуединство. Объятие, 1990 г.



Проявление образа. Диалог I, 1992 г.

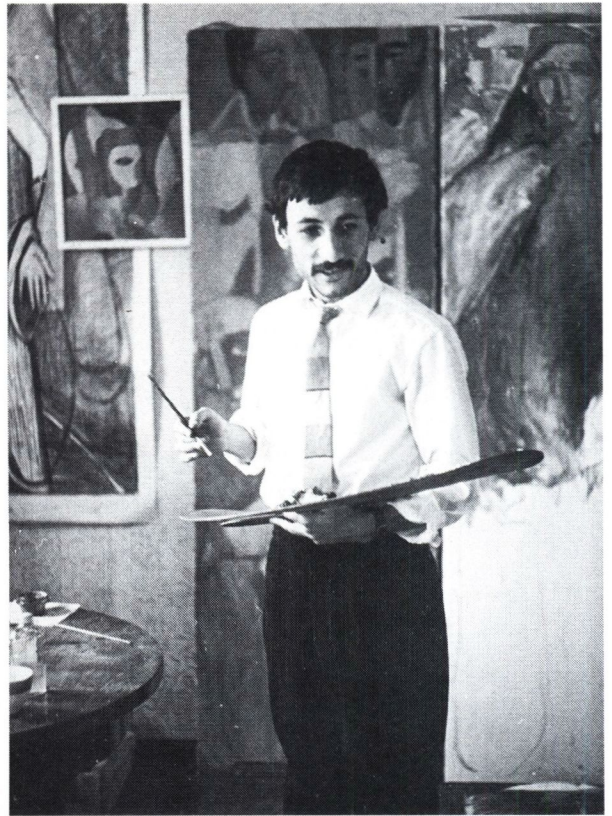
фигуры Рудольфа Хачатряна обречены на бесконечные взаимопереходы. Я был свидетелем того, как элементы его скрещенных сложных фигур неожиданно, сами по себе, «без ведома» художника и к его удивлению, переходили одна в другую.

Хачатрян «задействовал» в своих многомерных объектах еще один удивительный эффект. Речь идет о тени. Каждая плоскость естественным образом бросает на скрещенную с ней плоскость тень, образованную внешними контурами и внутренними отверстиями. Художник ловит этих непостоянных гостей двухмерного мира, фиксируя их краской на той поверхности, где они появились. В результате все поверхности покрылись узорами застывшей тени. Так, многомерные объекты получили еще одно дополнительное подтверждение своему названию — благодаря двухмерной тени, которая, в свою очередь, появилась здесь благодаря четвертому измерению — времени.

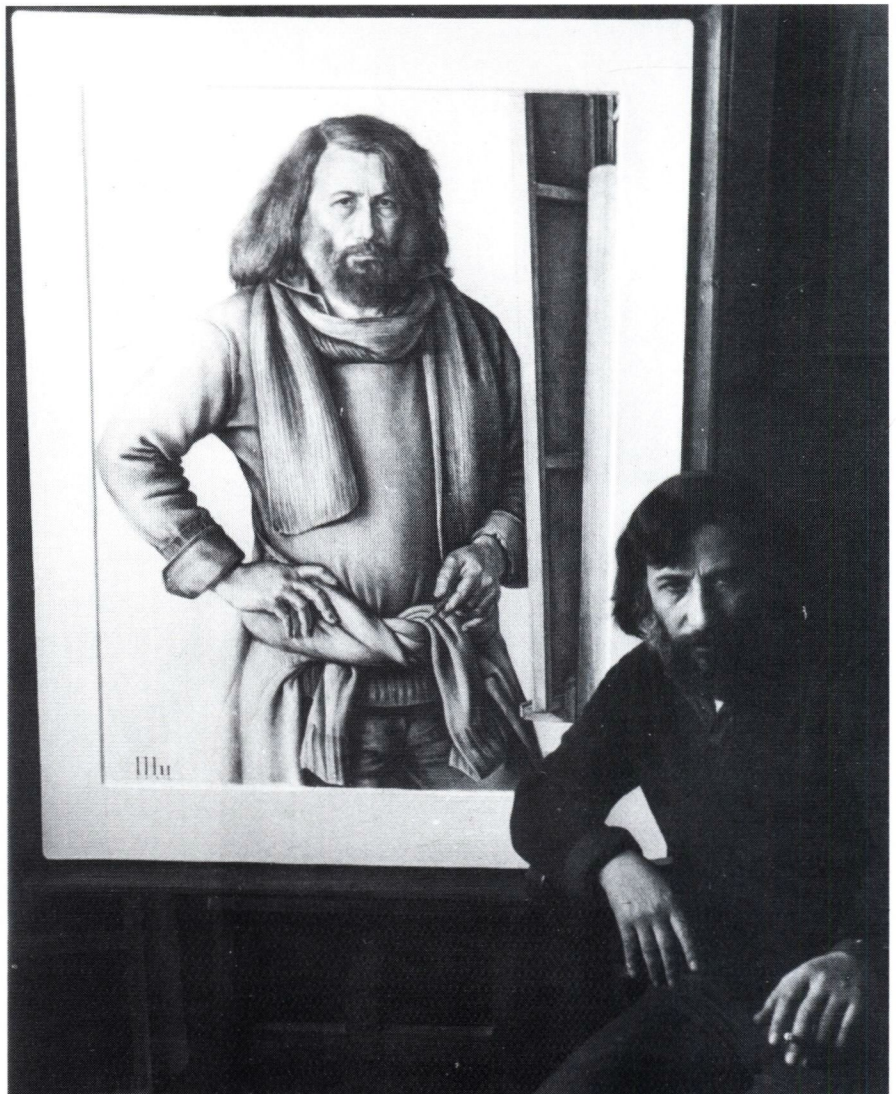
И, наконец, следует сказать об одной существенной детали. Многомерные объекты Рудольфа Хачатряна могут вращаться вокруг любой оси: конструктивные особенности составляющих их первоэлементов предполагают взаимопереходы на самых разных уровнях. В этом смысле «многомерные объекты» по своей сути близки к шару, хотя визуально в них доминирует крестовидный остов. Видимо, именно, к идеальной форме шара и стремилась в своем саморазвитии «формула человека» Рудольфа Хачатряна. Поэтому не случайно в композицию одного из таких «шаровидных» «многомерных объектов» входит и геометрический шар.

Здесь приходит на ум шаровидный образ перволюдей из древнего мифа, воспроизведенного в диалоге Платона «Пир». Согласно этому мифу, предки людей имели по два лица, четыре руки и четыре ноги. Они были трех родов — мужчины, женщины и андрогины. (Двуединный образ Рудольфа тоже не лишен, как мы видели, андрогинных черт.) Этому шаровидному блаженному состоянию пришел конец, когда Зевс наказал перволюдей за их гордость, разрубив каждого вдоль. И с тех пор люди ищут свою утерянную половинку. Можно вспомнить также в связи с утраченным андрогинизмом слова из гностического Евангелия от Филиппа о том, что если Ева снова войдет в Адама и он ее примет, то смерти больше не будет. Уместно напомнить, что уже двухмерная свастикаподобная «вращающаяся» «формула» Рудольфа Хачатряна напоминает знак вечности, известный во многих традициях. Однако к его «многомерным объектам» еще более применимы слова из другого гностического Евангелия — от Фомы: «Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю сторону и верхнюю сторону как нижнюю сторону, ...когда вы сделаете глаз вместо глаза, и руку вместо руки, и ногу вместо ноги, и образ вместо образа, — тогда вы войдете в царствие». Рудольф Хачатрян любил приводить эти слова задолго до того, как его двуединный образ, родившись от обычной матери и развившись по своим особым законам, не воплотил эту идею в своих многомерных объектах.

Левон Абрамян



Ռուդոլֆը իր Երեւանյան արվեստանոցում
 Рудольф в своей ереванской мастерской
 Rudolph in his Yerevanian studio





Վարպետ Քոչարն իր աշակերտ Ռուդոլֆ Խաչատրյանի հետ 1962թ.
 Maestro Kotchar с учеником Рудольфом Хачатряном, 1962 г.
 Master Kotchar with his student Rudolph Khachatryan 1962

Երվանդ Քոչար, Ռուդոլֆ Խաչատրյան
 Ерванд Кочар, Рудольф Хачатрян
 Yervand Kotchar, Rudolph Khachatryan



Ռուդոլֆ Խաչատրյանը կնոջ՝ Նատաշա Շնայդեր-Խաչատրյանի հետ եւ Հ.Իգիտյանը, Ուկրաինա, 1975 թ.
 Рудольф Хачатрян с женой Наташей Шнайдер-Хачатрян и Г.Игитян, Украина, 1975 г.
 Rudolph Khachatryan with his wife Natasha Schnider-Khachatryan and H.Igityan Ukraine, 1975



Автопортрет с трубкой, 1983 г.

« Мера искусства, вложенная
в портрет, соответствует
мере любви»

Рудольф Хачатрян